

О ДВУХ ВОЛНАХ САРМАТСКИХ МИГРАЦИЙ В ПРИЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЯХ ДОРИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Вопрос об освоении сарматами Причерноморских степей следует признать одной из фундаментальных проблем отечественной исторической и археологической науки. Время от времени на страницах научных изданий разгорается острая полемика по этому вопросу, часть исследователей связывает с сарматской волной миграции крушение Великой Скифии и другие важные перемены в Северном Причерноморье рубежа IV-III – первой половины III вв. до н.э., другие же склонны считать, что это произошло позднее, и сарматы перешли Дон не ранее II в. до н.э.

В конце 60-х гг. А.Н. Щеглов предложил оригинальную периодизацию истории Западного Крыма в античную эпоху, при этом он пришел к важному выводу, что сарматы продвинулись в Северное Причерноморье уже к концу IV вв. до н.э.¹ Вскоре Д.А. Мачинский на основании анализа письменных источников пришел к заключению, что сарматы стали господствующей силой на землях от Дона до Днепра около 310 г. до н.э.²

С тех пор дискуссия о времени сарматского продвижения в Северное Причерноморье не прекращается, и в этом отношении накоплен немалый позитивный материал. Отнюдь не претендуя на окончательность выводов, попытаюсь обосновать гипотезу, которая позволяет рассматривать историю сарматов

конца IV-II вв. до н.э. в степных областях, прилегающих к северным берегам Черного моря, как пульсирующий процесс, состоявший, скорее всего, из двух крупных волн.

Сложность изучения ранней истории сарматов заключается в том, что от времени крушения Великой Скифии вплоть до Митридата VI Евпатора какая-либо связная информация об этно-политической истории региона в античной письменной традиции отсутствует. Северное Причерноморье на два века выпало из поля зрения древних историков и географов.³ В высшей степени показательно, на мой взгляд, что знаменитый историк Полибий назвал все рассказы своих современников о северных землях "плодом невежества пишущих и баснями" (Polyb., 3. 38. 2-3), настолько они отличались от реальной картины. Страбон же по этому поводу заметил, что мир племен, обитающих между Тирасом и Кавказом, был открыт для Греции Митридатом и его полководцами (Strabo, 1. 2. 1). Думаю, что последнее указание очень важно во многих отношениях и, в частности, для датировки этно-политической карты Северного Причерноморья, которую нарисовал древний географ, но об этом речь пойдет ниже.

Сейчас же необходимо подчеркнуть, что среди данных письменной традиции о появлении сарматов в

Северном Причерноморье весьма важным представляется сообщение Диодора Сицилийского. Древний историк сообщает, что савроматы (сарматы) “опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню” (Diod., 2. 43.7). Противники концепции о ранней дате сарматского вторжения в Северное Причерноморье рассматривают данное свидетельство как полуполюгендарное и упорно указывают на то, что не существует абсолютно надежных сведений письменных источников об их пребывании здесь вплоть до II в. до н.э.⁴ Такие сведения, однако, существуют, - Ю.Г. Виноградов, анализируя текст давно известного херсонесского декрета “О несении Диониса” (IOSPE 1². 343), указал, что в его строке 15 говорится именно о сарматах, которые готовили вторжение на запад. Этот декрет он склонен датировать первой четвертью III в. до н.э., не исключая и более широкую атрибуцию вплоть до середины III в. до н.э.⁵ Основываясь на сведениях надписи, можно заключить, что сарматы тогда совершили нападение на Северное Причерноморье и, вероятно, уже не первое.⁶ Именно с этими походами, скорей всего, следует связывать приведенное выше свидетельство Диодора об опустошении Скифии (Diod., 2. 43.7).

Скифия тогда действительно была превращена в пустыню, - степные пространства Северного Причерноморья надолго запустили, археологические памятники здесь практически отсутствуют вплоть до II в. до н.э. Приходится признать, однако,

что, несмотря на победоносные походы, в конце IV - III в. до н.э. сарматы не заняли этих земель, и их кочевья в это время были расположены в районах Подонья-Прикубанья.⁷

Но какие же конкретные кочевнические племена продвинулись в это время на запад? Из текста декрета “О несении Диониса” явствует, что это были сарматы. В данном случае очень важно знать, следует ли понимать этот термин как собирательный для обозначения ираноязычных кочевников постскифской эпохи, что стало типичным для более поздней античной традиции и современной науки, или же здесь нашел отражение всего лишь этноним одного из кочевнических племен или, скорей, группы племен, которые продвинулись на запад и приняли самое активное участие в событиях, связанных с крушением Великой Скифии. Вероятнее всего, так называлась именно группа племен,⁸ поскольку в сарматской среде выделялись некие “царские” сарматы (Strabo, 7. 3. 17; App., Mithr. 69). По предположению Т. Сулимирского,⁹ они сыграли важную роль в разгроме Скифии и по этой причине в системе межплеменных связей региона заняли место, которое ранее принадлежало “царским” скифам (см. Herod., 4. 20).

Из ольвийского декрета в честь Протогена (IOSPE 1². 32), издание которого можно отнести к 20-10-м гг. III в. до н.э.,¹⁰ а описанные в нем события - к более раннему времени, известно о племени сайев, которых многие исследователи отождествляют с царскими сарматами.¹¹ Вполне

возможно, что саяи базировались на кочевьях вдоль Дона, откуда без особого труда могли совершать походы на античные города Северного Причерноморья, в том числе на Ольвию, и даже еще дальше на запад.¹²

Иными словами, совсем не исключено, что именно эта группировка племен, составившая первую волну сарматских передвижений на запад, может называться собственно сарматами, на прочие это название было перенесено позднее. Несмотря на скудность имеющейся информации, есть веские основания полагать, что в состав первой волны сарматской миграции, кроме саяев, входили сираки, которые достаточно рано продвинулись в Прикубанье и, как можно предполагать, в 310/9 г. до н.э. приняли участие в междоусобной борьбе сыновей боспорского царя Перисада I. Перепитии этой борьбы прекрасно изложены Диодором Сицилийским (Diod. XX. 22-24). Уже очень давно было высказано предположение, что союзниками одного из претендентов на престол, Евмела, которые в тексте именуется фракийцами, были именно сираки.¹³ Сарматское племя сираков вполне могло располагать значительными военными силами.¹⁴ Страбон свидетельствует, что при Фарнаке они составляли 20 тыс. всадников (Strabo, 11. 5. 8). Не удивительно, что данная гипотеза имеет большое число сторонников.¹⁵

Описание сираков у Страбона в контексте событий боспорской истории после Митридата (Strabo, 11. 5. 8) дает основание некоторым ученым считать, что они появились в Прику-

банье довольно поздно, может быть, во второй трети II в. до н.э.¹⁶ С этим мнением, однако, очень трудно согласиться.

Принципиально важной в этом отношении представляется хронологическая атрибуция этно-политической картины, которую рисует Страбон. Проблема источников древнего географа и, в частности, источников для его книги VII, речь в которой идет о Северном Причерноморье, очень непростая.¹⁷ В данном отношении, прежде всего, необходимо должным образом оценить уже упоминавшееся замечание Страбона о том, что земли от Тираса до Кавказа были открыты Митридатом Евпатором и его полководцами (Strabo, 1. 2. 1). Очень красноречиво также суждение о том, что среди других авторов наибольшего доверия у знаменитого географа заслуживали историки Митридатых войн (Strabo, 11. 2. 14).

Отсюда вполне логичным представляется мнение ученых, которые считают, что описание Страбона относится к последнему десятилетию II в. до н.э.¹⁸ или к концу II в. до н.э.¹⁹ или к концу II - началу I вв. до н.э.²⁰ Весьма вероятно, что нарисованная им картина расселения племен, в основном, сложилась к концу II в. до н.э., хотя, вероятно, и претерпела некоторые изменения позднее, поскольку Страбон мог вносить в нее дополнения и уточнения вплоть до своей смерти.²¹ Однако эти уточнения вряд ли изменили главное.

Признание этого факта, на мой взгляд, имеет принципиальное значение для реконструкции истории сарматских передвижений в степях се-

верного Понта. Дело в том, что особенности экономической системы, которая, по свидетельству Страбона (11, 2. 1), была свойственна сиракам и некоторым другим племенам, совсем не характерна для кочевников, которые появились здесь недавно. Часть из них передвигалась со стадами, а другая занималась земледелием, что типично для народов, вступивших в период кризиса кочевнической экономики.²²

Большое значение в этом отношении имеет периодизация цикличности истории развития кочевнических сообществ Северного Причерноморья, разработанная С.А. Плетневой на основании идей, высказанных С.И. Руденко.²³ С.А. Плетнева в истории кочевников выделила три главных этапа, и хотя эта схема базируется на материалах средневековья, она вполне применима кномадам древности.

Первый – период вторжения, когда номады, продвинувшиеся с востока, завоевывали “новую родину” и двигались без четких маршрутов кочевания, не имели определенных маршрутов летних и зимних пастбищ и т.д. Этот период, охватывающий приблизительно 50 лет в истории кочевников, практически не улавливается в археологическом отношении. Любопытно, что в описании Страбона ни один из кочевых народов не подпадает под это определение.

Второй этап характеризуется тем, что у кочевников уже выработались стабильные маршруты передвижений, районы летних и зимних пастбищ, формируются родовые кладбища и т.д. В “Географии” Стра-

бона на этом этапе находятся роксоланы, которые зимуют на пастбищах у Азовского моря, а на лето откочевывают на север (Strabo, 7. 3. 17). Древний географ также называет номадами большинство других племен Северного Причерноморья (Strabo, 7. 3. 17), и напрасно Харматта признает в них полукочевников.²⁴

Третий этап – кризисный, когда часть кочевников (обедневшая) была вынуждена оседать на землю и переходить к занятию земледелием, а другая (богатые семьи) продолжали кочевать. В истории номадов это происходит через сравнительно большой отрезок времени после вторжения в Северное Причерноморье, который явно охватывал более одного столетия. Показательно, что скифы стали практиковать земледелие лишь в IV в. до н.э.²⁵

Таким образом, если сираки к концу II в. до н.э., как их зафиксировал Страбон, уже вступили в кризис кочевнической экономики, то, скорее всего, они появились в Прикубанье не позднее III в. до н.э., вероятно, еще в конце IV в. до н.э. Любопытно, однако, что то же самое следует предполагать об аорсах, которые обитали к северу от сираков, занимая обширные степные пространства от Дона до Каспия. Страбон описывает их жизнь и способ ведения хозяйства вполне аналогично с сираками, – аорсы тоже занимались кочевым скотоводством наряду с земледелием (Strabo, 11. 2. 1). Иными словами, их тоже нельзя считать новичками в регионе, но в научной литературе это допускается крайне редко.²⁶ Большинство исследователей едины в

том, что аорсы продвинулись на запад сравнительно поздно.²⁷ Любопытно, однако, что Страбон всегда говорит о сираках и аорсах вместе, и, в общем, есть основания считать, что эти "постоянные враги", по выражению В.Б. Виноградова,²⁸ появились в районе Подонья-Прикубанья на одном хронологическом этапе.

Аорсы, как известно, занимали особое место в системе международных торговых связей региона, достигавших Индии и Вавилона. В них, по сообщению Страбона, активно участвовали так называемые "верхние" аорсы (Strabo II. 5. 8). В данном случае вряд ли имеет смысл дискутировать вопрос о том, занимались ли "верхние" аорсы исключительно сопровождением караванов,²⁹ что очень характерно для кочевников,³⁰ или же их роль в торговле была более значительной.³¹ Важно подчеркнуть, что складывание этого торгового пути вряд ли было единовременным актом, во всяком случае, такое важное явление никак не могло возникнуть в момент "вторжения" аорсов или даже вскоре после него.

Попытаемся ответить на вопрос, когда этот торговый путь мог появиться или, точнее, какие археологические материалы могут свидетельствовать о его функционировании. Вполне очевидно, что это, в первую очередь, могут быть монетные находки, более определенно - находки восточных монет в Северном Причерноморье, с одной стороны, и находки монет античных государств Северного Причерноморья на Востоке, с другой. Сразу можно признать, что эти материалы демонстри-

руют существование таких торговых связей в первые века н.э. Однако есть основания говорить и о более ранних временах.

На мой взгляд, вполне очевидно, что "верхние" аорсы приводили караваны в греческие города, которые находились ближе всего к районам их кочеваний, т.е. к городам Боспорского государства. В этом плане важно знать, когда боспорские монеты впервые появились на Востоке. Сразу следует признать, что такие ранние находки очень немногочисленны, но ведь и более поздние, т.е. относящиеся к римской эпохе, тоже не составляют крупных серий.

Итак, в Хорезме обнаружена монета Фанагории 250-200 гг. до н.э.³² Целый клад боспорских монет был найден еще дальше к востоку в Джунгарии.³³ Исследователи почему-то мало обращают на него внимание, хотя подлинность этой находки почти не вызывает сомнений.³⁴ Клад состоял из 16 боспорских монет, 15 из них - пантикапейские и 1 - фанагорийская. Самые ранние экземпляры датируются 330-315 гг. до н.э., по этой причине клад иногда относили к III в. до н.э.³⁵ Наиболее поздний экземпляр (монета Фанагории) относится к II в. до н.э., поэтому логичней считать, что клад датируется началом этого столетия.³⁶

Очень показательны, что самые ранние находки восточных монет в Северном Причерноморье, прежде всего парфянских и греко-бактрийских, также принадлежат к II в. до н.э.³⁷ Все эти монетные находки, на мой взгляд, позволяют предполагать, что система международной

торговли, в которую были вовлечены города Боспора и, так или иначе, мир кочевников региона, стала складываться во второй половине III - первой половине II вв. до н.э. Есть основания считать, что тогда Северное Причерноморье переживало период относительной стабилизации между двумя волнами сарматских вторжений,³⁸ что и способствовало налаживанию торговых контактов со странами Востока.

Эта сравнительно благополучная эпоха, как представляется, закончилась приблизительно в середине II в. до н.э. в связи с вторжениями на запад новых кочевнических племен. Новая (вторая) волна сарматской миграции, на сей раз, докатилась до Днепра. Из текста Страбона с этой волной можно связывать роксоланов, изыгов и, вероятно, ургов. Говорить о массагето-роксоланско-аорско-аланской общности, как это делает М.Б. Шукин³⁹, на мой взгляд, преждевременно. Во вторую волну передвижений, очевидно, были вовлечены сарматы "царские", которые ранее, как говорилось выше, возможно, обитали в степях Подонья, Страбон же зафиксировал их на правом берегу Днепра (7. 3.17).

С этими же событиями следует связывать сатархов. Плиний сообщает, что они перешли Дон (Pliny, NH 6. 22), а эпиграфический

источник фиксирует их во второй половине II в. до н.э. в районе Крыма (IOSPE I², 672). Появление сатархов Ю.М. Десятчиков связывал с широким расселением на запад центрально- и среднеазиатских кочевников, сокрушивших Греко-Бактрийское царство.⁴⁰

Аорсы и сираки, вероятнее всего, в это время не были сдвинуты со своих мест обитания. Правда, Д.А. Мачинский на основании сравнительно поздних источников (Plin., NH, 4. 80; Ptol., 3. 5. 7-10) высказал предположение, что аорсы (возможно, правильнее говорить, их часть) были увлечены в движение на запад.⁴¹ Серьезные изменения в положении этих двух племен, как представляется, произошли по причине появления на азиатском Боспоре аспургиан (Strabo, 11. 2. 11). Их продвижение сюда относят к последней четверти II в. до н.э.,⁴² в дальнейшем аспургиане стали играть весьма важную роль в событиях боспорской истории.⁴³

Системный кризис, в котором оказались греческие государства Северного Причерноморья в результате столь крупных изменений в мире соседних варваров, общей дестабилизации обстановки в регионе, в конце концов привели к тому, что греки были вынуждены искать спасения у понтийского царя Митридаи VI.

Примечания

1. Щеглов А.Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с.336-337, карта 3
2. Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ, вып. 13. Л., 1971, с. 46, 51

3. Rostowzew M. Scythien und der Bosphorus. Berlin, 1931. S. 105 ff.; Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. // АСГЭ, вып. 16, Л., 1974, с. 122-123; Полин С.В. 1992. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992, с. 81 сл.; Olbrycht, M.J. Die Aorsen, die Oberen Aorsen und die Siraker bei Strabon. Zur Geschichte und Eigenart der Völker in nordostpontischen und nordkaukasischen Raum in 2.-1. Jh. v. Chr. // Klio, 83, 2001, S. 426
4. См. Полин С.В. От Скифии к Сарматии, с. 94; Simonenko, A.V. The problem of the Sarmatian penetration in the North Pontic area according to archaeological data // II Mar Nero, I, 1994, p. 279; Skripkin A. The Sarmatian Phenomenon // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli, 1994, p. 103
5. Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет "О несении Диониса" IOSPE 1². 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. N3, с. 111
6. Там же, с. 122; см. также Виноградов Ю.Г. Херсонес, Босфор и их варварское окружение в III в. до н.э. // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000, с.270-271; Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель Великой Скифии // ВДИ. 1997. N 3, с. 93 сл.
7. См. Ждановский А.М. К истории сиракского союза племен (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья) // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990, с.41; Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории. ТДК. Азов, 1988. С.48; Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996, с.119; Симоненко А.В., Лобай В.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. до н.э. Киев, 1991, с. 78; Марченко К.К. 1996. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // РА. 1996. N 2, с. 72; Полин С.В., Симоненко А.В. Скифия и сарматы // Донские древности, 5, 1997, с. 92; Виноградов Ю.А. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии // Hyperboreus, 5.1, 1999, с. 57-58, 76)
8. Olbrycht M.J. Die Aorsen, die Oberen Aorsen und die Siraker..., S. 442
9. Sulimirski T. The Sarmatians. Thames and hudson, 1970, p.102
10. См. Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. М., 1989, с.102; он же. Херсонесский декрет..., с.106; Виноградов Ю.А. Северное Причерноморье после падения..., с.71 сл.
11. См. SIG II. P.84b; Карышковский П.О. Истрия и ее соседи на рубеже III-II вв. до н.э. // ВДИ. 1971. N 2, с. 44; Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985. Древний город Тира. Киев, 1985, с.67-68; Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления..., с. 47; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984, с. 119; Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет..., с. 106; Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz, 1997, S. 88, Anm.98; но ср. Harmatta J. Studies on the History of the Sarmatians. Budapest, 1950, p. 40-41; idem. 1970. Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970, p. 11
12. Симоненко А.В., Лобай В.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья..., с. 78; Полин С.В., Симоненко А.В. Скифия и сарматы, с.92; Виноградов Ю.А. Северное Причерноморье после падения..., с. 76
13. См. Tomaschek. Arifharnes // RE, 2, 1895, Col. 845; Kissling. Gargasa // RE, 7.13, 1910, Col.759
14. См. Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965. N 1, с. 108
15. См. Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.-Л., 1953, с. 177; Десятчиков Ю.М. Арифари, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977, с. 46; Марченко И.И. Сираки Кубани, с. 113-114; Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p.145; idem. The Bosphoran Kingdom // САН, VIII, 1930, p. 577; Sulimirski T. The Sarmatians, p. 95, 103

16. Harmatta J. Studies on the History..., p. 28; idem. 1970. Studies in the History and Language..., p. 34; Olbrycht M.J. Die Aorsler, die Oberen Aorsen und die Siraker ..., S. 446, 448
17. Rostowzew M. Scythien und der Bosphorus, S. 92, 126ff.; Грацианская Л.И. "География" Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР, 1986. М., 1988, с. 34 сл.
18. Harmatta J. Studies on the History..., p. 6-7, 17; idem. 1970. Studies in the History and Language..., p. 14
19. Suliminski T. The Sarmatians, p. 102; Bosi F. The Nomads of Eurasia in Strabo // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli, 1994, p. 113
20. Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии..., с. 126
21. Грацианская Л.И. "География" Страбона, с. 33
22. Khazanov A.M. 1984. Nomads and the Outside World. Cambridge University Press, 1984, p. 83, 198-202
23. См. Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Материалы по отделению этнографии. Вып. 1, 1961, с. 3-4; Плетнева С.А. От кочевий к городам. МИА, N 142, 1967, с. 180 сл.; она же. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982, с. 13 сл., 36 сл., 77 сл.
24. Harmatta J. Nomads and Sedentary Life in the Great Steppe-Belt of Eurasia // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli, 1994, p. 566
25. Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI-III вв. до н.э. Kiev, 1999. с. 155, 163-164, 168).
26. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 148; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение ..., с. 118
27. Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н.э. М., 1959, с. 151-152; Harmatta J. Studies on the History..., p. 28; idem. 1970. Studies in the History and Language..., p. 34; Suliminski T. The Sarmatians, p. 116; Vinogradov, Ju.G. Pontische Studien, S. 540; Olbrycht M.J. Der Fernhandel in Ostarmatien und den benachbarten Gebieten (zweite Hälfte 2 Jhs. – 1 Jhs. v. Chr.) // Laverna, 12, 2001, S. 90; idem. Die Aorsler, die Oberen Aorsler und die Siraker... S. 446, 448
28. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 161
29. Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. N 2, с. 161, прим. 64
30. Khazanov A.M. Nomads and the Outside World, p. 209, 211
31. Olbrycht M.J. Die Aorsler, die Oberen Aorsen und die Siraker..., S.438 ff.; idem. Der Fernhandel in Ostarmatien..., S. 106 ff.
32. Вайнберг Б.И. Монетное дело Хорезма. М., 1977, с. 176 сл., N 6.
33. Diehl E. Bosphoranische Münzen aus der Dschungarei // Blätter für Münzfreunde. 10/11, 1923, S.441 ff.; IGCH, 1821
34. Olbrycht M.J. Der Fernhandel in Ostarmatien..., S. 118
35. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949, с. 90; IGCH, 1821
36. Mielczarek M. Remarks on the numismatic evidence for the northern Silk Route: the Sarmatians and the trade route linking the northern Black Sea area with Central Asia // Studies in Silk Road Coins and Culture. Papers in honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65th birthday. Kamakura, 1997, p. 132
37. Mielczarek, M. Ancient Greek Coins Found in Central, Eastern and Northern Europe. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdansk, Jydu, 1989, p. 91, № 94, 96, 153
38. Марченко К.К. Третий период стабилизации..., с. 70 сл.; Виноградов Ю.А. Северное Причерноморье после падения..., с. 56 сл.
39. Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб, 1994, с. 144
40. Десятчиков Ю.М. Сатархи // ВДИ. 1973. N 1, с. 143
41. Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии..., с. 131

42. Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. Н. Новгород, 1994, с. 55; иную точку зрения см. Сапрыкин С. Ю. Аспургiane // СА. 1985. N 2, с. 65 сл.
43. Gajdukevicius V. F. Das Bosphoranische Reich. Berlin, 1971, S. 328ff., 337ff., 362, 471).